

В его лице, в голосе, в манере держаться чувствуется резкость, решительность и, наверное, властность. В жизни Петр Глебов, народный артист СССР, не слишком-то отличается от Григория Мелехова, которого он сыграл в "Тихом Доне" — фильме-легенде, фильме, ставшем классикой и нашей национальной гордостью.

— Петр Петрович, говорят, вы из дворян?

— Да. Граф Орлов-Денисов, знаменитый казак, герой войны двенадцатого года, — мой прапрапрадед.

Ну так вот. После революции из Москвы мы переехали на дачу в деревню Дарьино Звенигородского уезда, и там прошло все наше детство. С самых ранних лет мы с отцом ходили на охоту. Бегали с братом Федором в рваных сапожках, слушали вальдшнепов, а после удачных выстрелов подбирали добычу. В 22-м году, когда мне было 6 лет, отец умер от тифа. А мы с Федором так и жили. Заканчивали школу сельскую, потом ходили в колонию в Успенском, там много беспризорников училось, а на обратном пути, через поля, через перелески, слушали пение птиц и бормотание тетеревов; побросав рванцы около речки, выгоняли палками голавлей из-под коряг; ловили ежей и ящериц, собирали птичьи яйца. У нас была огромная коллекция. А еще я помню, лазили на елки за бельчатами. Доставали их из гнезда — и за пазуху их, под рубашку.

— На войну вы вместе с братом пошли?

— Я пошел с группой актеров Театра Станиславского в подшефный зенитно-артиллерийский подмосковный полк гонять немецкие самолеты. А Федор пулеметчиком в 18-ю дивизию. Был ранен под Юхновом и после госпиталя продолжал войну художником во фронтовой газете.

— А когда отвоевались?

— Федор окончил художественный институт и очень много путешествовал. Рисовал Крым, Кавказ, Русский Север. Был во Франции, Италии, Дании, Югославии — всего и не вспомнишь. Но любимой оставалась среднерусская полоса, которую он рисовал всю жизнь. А у меня был огромный успех "Тихого Дона", с которым ездили без конца по разным странам. Помню, в Париже казачество собиралось на сеансах. Много их было очень. Они тогда улепетнули, уехали... Подходили ко мне со слезами после про-

смотра, все причитали: "Эх, Россия, Россия, наше казачество, наш Дон!" А я им: "А чего ж вы здесь задержались? Могли бы уже давно назад домой перебраться". Так-то вот. А арабы в Каире как принимали! На просмотре фильма орали и визжали от удовольствия! Ну больше на кавалерийские сцены, на бои, конечно, когда рубка на шашках!

— А шашки настоящие были?

Вытаскиваю ее из ножен. Никаких побрякушек, позолот, гравировочек. Рабочий инструмент. Петр Петрович взмахивает ею пару раз в воздухе и небрежно бросает реликвию в ножны.

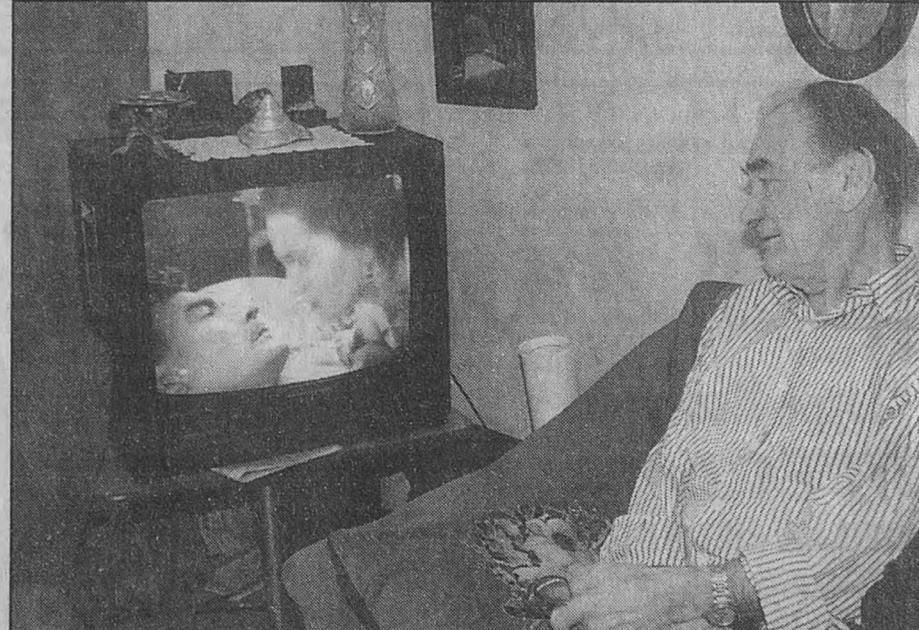
— Да! Я же не мог рубить такой матросов! Давали мне во время съемок фанерную. Ну а фанерной... Помню, шашка наголо, на коне перескочил через плетень, с ходу рубанул ею матросика, и... она попо-

— А рубить обучали?
— Не. Скачешь на коне, шашку выхватываешь — во держать надо как! И как бог на душу положит. А вот пикой обучался.

— Петр Петрович, вы в фильме так красиво, как-то по-мужски сильно поете, помните, когда пьяный казачий разгул в хате...

ШАШКА ОТ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА

О братьях Глебовых



— Моя была идея. Спеть очень хотелось. А режиссер говорил: "Григорий был в таком шапоре, такая у него была жизнь, что не до песен ему было". В станице, где съемки велись, казаки частенько вечерами собирались на берегу Дона, распивали винцо, пели хоровые песни, и я любил с ними попеть. Ну и Герасимов согласился: "Только чтобы тяжелая, грустная была песня, о судьбе". Я порасспросил старушек на хуторе, и одна мне подсказала песню "Пташка-канарейка". И в конце второй серии, когда сцена пьяного разгула и полный раскосяк уже неизвестно как и за кем идти — тут и красные, тут и белые, Григорий поет первые два куплета: "Ляти, пта-ашка, ка-анарейка..." А на утро рубит шашкой матросов.

— Когда сейчас вы видите себя на экране, какое ощущение испытываете?

— Да ведь какое ощущение? Такое ощущение, как будто вчера это было. Когда на себя смотрю, думаю: "Господи помилуй, прошло 40 лет после того, как сняли картину, а такое ощущение, что я сейчас мог бы надеть форму Григория да и повторить все вновь — ведь характер остался тот же. Вот только на лошади так уже не поскачешь — ведь девятый десяток.

Моск. Комсомолец
Андрей ГОРБАТОВ.

— Да вот она в углу стоит.
— **Та самая!?**
— Ну да. Хотели коня подарить. Ну куда мне конь в Москве!

лам сломалась. "Стоп, — кричит режиссер, — давайте другую". Сделали потолок. Я рубанул ею, и этот самый, в бушлатике, заорал от боли, повалился на снег.

— 1998. — 10 апр. — с. 6